

Анна Котомина

«Восторженные артисты» и государственные интересы:

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПУБЛИЧНЫХ НАРОДНЫХ
ЧТЕНИЙ С ПРОЕКЦИЯМИ В РОССИИ

Anna Kotomina

“Enthusiastic Artists” and State Interests: The First Decade of Public Readings with Projection in Russia

Анна Котомина (Политехнический музей, старший научный сотрудник) akotomina@yandex.ru.

Anna Kotomina (Senior Research Fellow, Polytechnical Museum) akotomina@yandex.ru

Ключевые слова: социальная история медиа, технология статической проекции, проекционный фонарь, диапозитив, публичные народные чтения, реформы Александра II

Key words: social history of media, static projection technology, projection lamp, transparencies, public readings for the people, reforms of Alexander II

УДК/UDC: 82.91; 316.7
DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_93

УДК/UDC: 82.91; 316.7
DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_93

Идея статьи — проследить, как в России 1870–1880-х годов происходило освоение уже достаточно хорошо известной на тот момент в Европе технологии статической проекции. В фокусе нашего внимания будут находиться материальная составляющая этой технологии и люди, группы и институции, которые изобретали, продвигали, усовершенствовали и внедряли ее.

The idea of this article is to trace how static projection technology, which was already relatively well known in Europe at the time, was adopted in Russia in 1870s and 1870s. The focus is on the material component of this technology and the people, groups, and institutions that were involved in its invention, promotion, improvement, and implementation.

«Тающие виды»: технологические контексты чтений с проекциями

Статическая проекция служит для передачи связного повествования от одного человека к группе. Передача эта происходит при помощи демонстрации на плоской поверхности отдельных сменяющихся увеличенных изображений, которые сопровождают, дополняют или заменяют устный рассказ. Техническим устройством, ключевым для этой технологии, был и остается один из оптических приборов — проекционный фонарь¹.

С начала XIX века развитие технологий освещения привело к радикальному усовершенствованию хорошо знакомых европейцам уже больше ста лет проекционных фонарей, к появлению новых типов развлечений с ними — «тающих видов» и «фантазмагорий». Растущая популярность развлечений

---

1 Современные проекторы и проекционные («волшебные») фонари XIX века — разные исторические формы существования одного и того же устройства.

с фонарями подтолкнула розничную торговлю. Постепенно выработались три основных типа этих устройств: дешевые «детские фонари», «комнатные» и «стационарные» для больших аудиторий. В последних использовали дорогой и яркий друммондов свет, а иногда и дуговые электрические лампы [Encyclopedia 2001; Mannoni 2000].

К середине века технология статической проекции стала относительно известна в России [Новик 2017]. Образованные и богатые жители страны имели возможность заказывать проекционные фонари для своих частных домов в европейских торговых фирмах, а также время от времени попадать на зрелища с проекциями [Смолярова 2011]. В Москве и Петербурге появились находчивые предприниматели, которые наладили торговлю оптическими инструментами, в том числе и фонарями. С 1840-х годов торговые фирмы К. Роде, О. Рихтер, К. Воткей в Петербурге и Ф. Швабэ, Е.С. Трындына в Москве собирали в собственных мастерских оптические инструменты из готовых частей, завозимых из Европы [Трындин 2019; Ченакал 1947: 150—151]. Оптики предлагали русским покупателям малопонятные сложные и дорогие предметы. Фирмы в эти годы вынуждены были энергично представлять свои товары публике, чтобы разъяснить покупателям их возможности и назначение. Торговые каталоги щеголяли многочисленными медалями выставок. Семья Роде, владельцы оптической мастерской на Итальянской улице в Санкт-Петербурге, показывали при помощи фонаря ценой в 6000 талеров «в цирке-театре рисунки с целью ознакомления с теорией образования земной коры, потом вид различных местностей и игру цветов и линий. <...> ...эти предприятия имели преимущественное значение забавы»². С конца 1840-х годов оптические мастерские вносили вклад в распространение знаний о проекционных фонарях.

Через четверть века после внедрения в статическую проекцию ярких ламп совершенствоваться стали и источники изображений. «Картины» для проекционных фонарей, как их тогда называли, наносили в начале XIX века вручную витражными красками на стеклянные полосы. Размеры этих полос колебались в пределах высоты 9,5 см и длины 35,6 см. На одной полосе изображались обычно 3—4 связанных сюжета [Smith, Herbert 2001: 116]. В середине века фирмы, производившие фонари, занимались и изготовлением «картин» к ним. В каталоге торгового дома Ф. Швабе 1856 года «волшебные фонари разной величины» продавались по цене от 4 до 20 руб. вместе с 12 картинами, то есть с тремя полосами по 4 изображения на каждой³. С ростом интереса публики к проекции «картины» к фонарям превратились в прибыльный товар. Если фонарь покупали однократно, стекла к нему в те же руки можно было продать несколько раз. Оптические фирмы начали искать пути более простого изготовления стекол с 1823 года, когда британская фирма «Carpenter & Westley» попробовала печать контуров изображений с медных клише, как при украшении керамической посуды [Hetch 2001: 56]. Прием печати с медных клише широкого распространения не получил. Решение, которое получило всеобщее признание, предопределил в конце 1840-х годов новый виток развития технологии фотографии. Сначала для получения негативов изображений было предложено использовать

2 Описание оптических увеселительных приборов. СПб.: Общественная польза, 1861. С. 7.

3 Швабэ Ф.Б. Полный систематический каталог физических, оптических, механических, медицинских и других снарядов. М.: Тип. В. Готье, 1856. С. 45.

стекло вместо бумаги, а в 1848 году племянник Нисефора Ньепса в качестве альтернативы хрупким бумажным негативам предложил «стеклянные пластины, покрытые (яичным) белком, содержащим йодистый калий». В 1851 году Фредерик Арчер «заменял белок коллодием, ввел проявление пирогалловой кислотой и создал мокрый коллодионный процесс», который на тридцать лет вытеснил все остальные способы получения снимков⁴. Вскоре попробовали печатать позитивные изображения на стеклах, которые могли быть использованы для проекции. Чтобы вернуть точным в деталях и разнообразным по содержанию фотодиапозитивам цвет, стали применять ретушь акриловыми прозрачными красками. Джон Бенджамин Дансер, изобретатель микрофотографии и конструктор одной из первых стереофотокамер, отмечает в своих мемуарах, что был первым, кто показал серию из тридцати фотодиапозитивов в Лондонском институте механиков (см.: [Wetton 2001: 84]). Это случилось в 1854 году.

В начале 1840-х годов вместо неподвижных печатных столов при размножении гравюр на дереве стали использовать вращающиеся валики. Были изобретены ротационные машины, которые могли печатать по несколько тысяч копий иллюстрированных гравюрами изданий в час. В Британии, Франции, Германии и несколько позже в России появились иллюстрированные еженедельники. Благодаря высоким тиражам они стали доступны практически всем грамотным взрослым этих стран [Немировский 2010: 705–706].

Распространение этого типа медиа способствовало становлению приемов создания смешанных иллюстративно-текстовых повествований, креолизованных текстов [Креолизованный текст 2020]. Изображения и тексты в иллюстрированных журналах часто были равноправны в передаче смысла. Новейшие достижения технологий получения и размножения изображений в середине века способствовали повсеместному увлечению наглядностью в обучении. Многим полюбили обучение через развлечение. С 1850-х годов благотворительная организация «Band of Hope Union» стала использовать проекции «картин» в беседах о вреде пьянства, пользе умеренности и порядочности. Эти беседы проходили в бедных районах британских городов, а в следующее десятилетие использование проекции благотворительными организациями стали рутинной во многих городах Европы [Eifler 2017: 43].

На службе у государства: от чтений для солдат к народной школе

В начале 1860-х годов Совет по военному образованию Британской армии инициировал чтения для солдат в метрополии и колониях [Dunn 1994; Ryan 2004]. Чуть раньше, в 1859 году, Министерство народного просвещения Пруссии издало «вестфальскую инструкцию о преподавании истории и географии». Она предписывала педагогам шире использовать проекцию диапозитивов на уроках⁵. Истории о раскаявшихся алкоголиках, чудесах своей и чужих стран рас-

---

4 Гершун А. Л. Фотография // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. 71. СПб.: Семеновская тип., 1902. С. 406.

5 Штёттнер Ф. О применении световых картин при преподавании истории и географии // Педагогический сборник Главного управления военно-учебных заведений (ГУ ВУЗ). 1900. № 2. С. 143.

пространяли и закрепляли важные для европейских обществ тех лет этические и политические ценности. Усложнение повествований, иллюстрированных проекциями, привел к «атомизации» формы «картин». С 1840-х годов полосы с несколькими изображениями были вытеснены квадратными, прямоугольными и круглыми стеклами, вправленными в индивидуальные деревянные рамы.

В Европе к 1860-м годам были предложены и прижились новые идеи в области статической проекции. Они касались устройства фонаря, способа размножения «картин», приемов создания повествований из текстов и изображений и подходов к организации многолюдных мероприятий для просто-народья. Новинки в области статической проекции на удивление быстро проникли в Россию.

В манифесте от 19 марта 1856 года Александр II объявил о заключении мира после Крымской войны и призывал подданных к «просвещению и всякой полезной деятельности». Наиболее заметным проявлением общественного оживления, последовавшего за манифестом, были студенческие движения. Техническое изобретательство и популяризация естественно-научных и технических знаний также были формой проявления активной жизненной позиции. «Россия востепенулась: во всех слоях общества обнаружилось стремление к мануфактурной, заводской, ремесленной и сельскохозяйственной производительности, и в тесной зависимости от того последовательно появилась потребность к изучению естественных наук»⁶.

При устройстве коронационных торжеств в августе 1856 года были задействованы новейшие на тот момент технологии репрезентации. Коронацию решено было снимать на мокрые коллодионные пластины, была запланирована электрическая иллюминация из одиннадцати дуговых ламп. Заведовали новинками С.Л. Левицкий и А.И. Шпаковский, в дальнейшем придворный фотограф и его подручный в ателье на Невском проспекте. Практикующие фотографы в те годы находились в авангарде развития технической мысли. Один из членов V (фотографического) отдела Императорского русского технического общества в 1890-х годах с ностальгией вспоминал об этом времени:

Непрофессиональные светописцы в пору дагеротипии и коллодионного способа приготавливали себе все нужное для снимания, кроме сырых материалов, изошряясь в наблюдении и понимании тонких химических процессов, происходящих при образовании фотографии, и почти всякий из них добивался улучшения средств для достижения известной цели и обогащал литературу своими наблюдениями. Нынешняя наука светописси сложилась в значительной мере из фактов, собранных любителями, и выводов, которые они сделали из своих изысканий⁷.

Александр Ильич Шпаковский, преподаватель физики 1-го военного Павловского училища, в дальнейшем получил звание полковника за изобретения в области пожарной техники и сигнальных систем для флота. С весны 1859 года А.И. Шпаковский управлял фотоателье торгового дома «С.Д. Струговщиков, Г.Д. Похитонов, Н.И. Водов и Ко». Кроме прочих услуг, он, один из немногих фотографов в Петербурге, исполнял репродукционную съемку. Ателье А.И. Шпаковского, по воспоминаниям современников, поражало воображение

6 Тридцатипятилетие высочайше утвержденного товарищества «Общественная польза» 1860—1895. СПб.: Общественная польза, 1895. С. 5.

7 *Ольхин П.М.* Редакционная статья // Фотографический вестник. 1891. № 7. С. 147.

множеством самодельных приспособлений и усовершенствований для фотографических процессов. В его фотоателье «для каждой мелочи изобретена им новая машина или новый снаряд, и все, что открыла до сих пор наука, приложено им к делу»⁸. В 1858—1861 годах его эксперименты с новой технологией поддерживала группа, сплотившаяся вокруг полковника Николая Григорьевича Писаревского, инженера и военного топографа, начальника фотографического отдела Генерального штаба. Прослушав курс физики в Сорбонне в 1858 году, Н.Г. Писаревский объединил единомышленников, ратовавших за ускорение технического прогресса. Они сообща владели внушительной материальной базой для проведения своих идей в жизнь. Кроме фотоателье А.И. Шпаковского у них были литография, типография, словолитная, переплетная, книжный магазин и «изящный специально отстроенный зал», оборудованный всем необходимым для наглядного иллюстрирования лекций. В зале «Пассажа» на Невском проспекте выступали с популярными лекциями яркие молодые ученые: Е.П. Ковалевский, Л.С. Цинковский, В.И. Ламанский, И.А. Вышнеградский и другие. Почти каждого из них в дальнейшем ждала успешная научная или государственная карьера. Зал был оборудован самыми современными на тот момент проекционными фонарями с сильными источниками света — дуговыми электрическими лампами или друммондовым светом. Управлял фонарями на лекциях в «Пассаже» А.И. Шпаковский⁹. Для улучшения работы фонарей с электрическим светом он внес усовершенствования в механизм регулирования углей дуговой лампы. Для фонарей с друммондовым светом он предложил более удобные мешки для хранения газа. В усовершенствовании ему помогал преподаватель химии 1-го военного Павловского училища В.Ф. Петрушевский и некто Чернухин. Открывая изящный зал в «Пассаже» на Невском проспекте, русские энтузиасты имели в качестве образца для подражания успешно существовавший в фешенебельном районе Лондона Королевский политехнический институт. Институт был оснащен самыми новыми проекционными устройствами и устраивал развлекательные представления и научно-популярные лекции. В 1857 году его посетил будущий основатель Политехнического музея в Москве А.П. Богданов¹⁰.

С 1861 года Н.Г. Писаревский увлекся политикой, отошел от дел, и торговый дом свернул свою публичную деятельность. Пайщики приняли решение «чтение публичных лекций прекратить за недостатком посетителей, а физические и химические аппараты ввиду медленного сбыта распродать, хотя бы и с убытком»¹¹. Вскоре торговый дом был преобразован в издательство, которое сосредоточилось исключительно на издании учебной литературы.

На волне реформ 1860-х годов военные элиты в России решили разобратся в том, как были организованы в Британии только что открытые чтения для солдат. С 28 декабря 1867-го по 5 февраля 1868 года «по высочайшему повелению командирован за границу для ознакомления с аппаратом Карпентера»

8 Открытие фотографического заведения А.И. Шпаковского // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. № 75. С. 3.

9 Там же.

10 Протоколы заседаний комитета по устройству Политехнической выставки Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии при ИМУ. Вып. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1870. С. 70.

11 Тридцатипятилетие высочайше утвержденного товарищества «Общественная польза» 1860—1895. С. 9.

Н.И. Чапелевский. Он успешно справился с заданием и почти сразу после возвращения, 31 марта 1868 года, был награжден орденом Святого Станислава II степени и получил чин полковника¹². Николай Ильич Чапелевский был блестяще образованным кадровым офицером, учился сначала в Михайловском артиллерийском училище, а потом слушал лекции в Берлине и Меце. В конце 1860-х годов он работал инспектором классов 2-й Московской военной гимназии. Из командировки он привез «проекционные снаряды Карпендера и Галлея» и «коллекции теневого картин». После возвращения он начал эксперименты по копированию диапозитивов, подбору состава прозрачных красок для раскраски, пересъемки различных изображений для составления оригинальных серий. Ему помогали преподаватель той же 2-й Московской военной гимназии А.М. Воронецкий и поручик в отставке, выпускник 1-го Московского кадетского корпуса фотограф Н.Ф. Добровольский. А.М. Воронецкий методом проб и ошибок подобрал состав прозрачных красок, растертых на лаке. Н.Ф. Добровольский сконструировал «простейший аппарат для снимания транспарантов» (так он называл диапозитивы на стекле). За год совместных усилий были подготовлены показательные чтения с проекцией для солдат. Их провели зимой 1868—1869 годов в казармах лейб-гвардии Преображенского полка на Миллионной улице в Петербурге. Присутствовали чиновники военно-учебного комитета и шеф полка император Александр II:

Огромная высокая зала казармы, роскошно убранная зеленью и коврами и вполне приспособленная к опыту, с возвышением в середине для аппарата Карпендера, с колоссальным экраном для картин, произвела на зрителей самое благоприятное впечатление¹³.

В гвардейских казармах были показаны «картины, избранные и подготовленные самим Чапелевским», «текст чтения был составлен офицером Генерального штаба, рассказы были прочитаны весьма грамотно — унтер-офицером Преображенского полка»¹⁴.

Воодушевленный положительными отзывами начальства, полковник составил записку, в которой анализировал организацию солдатских чтений, которые были «введены несколько лет назад в Английской армии генералом Лефруа»¹⁵. Там были устроены шесть станций с переносными проекционными аппаратами. Картины пересылались между станциями в порядке, определенном циркуляром, руководил чтениями Совет военного образования, осуществляли их в полках «школьные учителя полка». Николай Ильич резюмировал рассказ:

Как ни рациональна система чтений в английской армии, однако воспользоваться ей едва ли возможно в применении к нашим войскам. <...>

Если принять во внимание только одно полевое войско, то чтения по системе генерала Лефруа потребует огромных сумм. <...> Для одних полевых войск потребуется 60 аппаратов с таким же числом картин... расход составит сумму в 200 000 руб. единовременно¹⁶.

12 Российский государственный военно-исторический архив (РГИВИА). Ф. 725. Оп. 9. Ед. хр. 8. Л. 12 — 12 об.

13 РГИВИА. Ф. 401. Оп. 2/926. Ед. хр. 134. Л. 14 об.

14 Там же.

15 Там же. Л. 6 об.

16 Там же. Л. 7.

Он назвал и другие затруднения: «недостаток лиц, которые могли бы самостоятельно вести чтения в войсках и действовать при аппаратах»; «отсутствие казарм для большинства полков»; «трудно собрать одновременно большое количество солдат, а если собрать, то нечем кормить»; «недостаток правильного и хорошего сообщения: полки нередко располагаются в таких местах, которые не только не имеют рельсовых путей, но и лишены хороших грунтовых дорог. <...> ...при этом перевозка аппаратов и картин будет небезопасна, а своевременная доставка их — невозможна». С учетом российских особенностей полковник считал более действенным «введение чтений в таком месте, где находятся железные дороги, отдавая предпочтения местностям, где больше сосредоточение массы войск. Этим условиям удовлетворяют большие города: Петербург, Москва, Киев, Одесса, Вильнюс, Варшава». Он предлагал проводить чтения «не в полках, а в одном центральном месте, где могут быть приглашены единовременно до тысячи человек. Можно приобрести один аппарат с одной коллекцией, так как в этом случае «число чтецов и лиц, действующих аппаратом, потребуется меньше, и, наконец, контроль и руководство чтений будут очень удобны»¹⁷.

Общие чтения сравнительно с чтениями по системе генерала Лефруа имеют и другие преимущества... [они] могут быть посещаемы рабочим народом в особо для сего назначенное время... с пользой для образования народа и выгодой от посещений простонародной публикой. Плата, взимаемая с народа от 5 до 10 коп. за чтение, может быть употреблена на наем помещения, освещение и другие расходы на ведение чтений; [легче выполнить] требование большой читальной залы, приспособленной для чтеца в акустическом отношении и для размещения постоянного аппарата. <...> ...в больших городах можно найти или приспособить казенное заведение для чтений¹⁸.

Идея контролируемости предприятия, хотя и сопровождалась многими дельными практическими соображениями, была наиболее значимой частью предложений полковника к правительству. Сохранились подробные комментарии министра Д.А. Милютина к записке, выражающие его деятельный интерес. Кроме министра записку прочитали П.К. Меньков, Н.С. Голицын и другие организаторы военного образования. На воплощение предложений в жизнь потребовалось еще около двух лет.

Летом 1868 года «восторженный артист» Н.И. Чепелевский поделился своими соображениями об организации повсеместного распространения публичных чтений с двумя другими москвичами, профессорами-естественниками А.П. Богдановым и Г.Е. Щуровским. Оба профессора были душой недавно созданного ученого Императорского общества любителей естествознания, этнографии и антропологии (ИОЛЕАЭ)¹⁹ при Императорском московском университете. А.П. Богданов вспоминал:

По приезде моем в Москву я имел случай вместе с Г.Е. Щуровским получить от Н.И. Чепелевского сведения о том наглядном способе обучения, который вводится в обучение солдат в Англии. Г. Чепелевский не только изучил этот способ

17 Там же. Л. 7 об.

18 Там же. Л. 8.

19 Общество любителей естествознания, этнографии и антропологии получило звание «Императорское» в 1867 году.

в Англии, но и сделал попытку, как приложить его к обучению русской армии, так и ввести его в военно-учебные заведения²⁰.

Идеи полковника попали на благодатную почву: актив ИОЛЕАЭ в тот момент начинал подготовку выставки прикладного естествознания, которая постепенно переросла в московскую Политехническую выставку 1872 года, проведенную с впечатляющим размахом.

23 июня 1870 года на 12-м заседании Комитета по подготовке выставки А.П. Богданов изложил идею проводить регулярные народные чтения с проекциями в качестве части «курсов наглядного обучения» для учителей народных школ. Он предлагал показать посетителям, как «приложить к наглядному обучению учеников в различных школах и к распространению полезных сведений в классах фабричных и заводских рабочих картины, отраженные на экране при помощи сильного электрического или друммондова света»²¹. А.П. Богданов говорил о том, что считает важным представить «систему показа изображений», основанную на периодическом повторении:

Для таких курсов надо составить целый систематический ряд изображений для электрического фонаря... так, чтобы по каждому предмету можно было бы, просмотрев весь курс, усвоить главнейшие факты. <...> Рисунки должны быть подобраны в систематические последовательности... [но показывать их надо так], чтобы каждый сеанс заключал в себе несколько разнородных, хотя и законченных, предметов... нужно повторительно показывать несколько раз через известные промежутки, уже виденные виды, но так, чтобы число новых рисунков каждый раз преобладало²².

Курс должен был длиться 30 дней, в течение которых должны были давать ежедневно 4 часа представлений.

Был разработан проект аудитории и составлена программа чтений. В программу, изданную небольшим тиражом, вошли чтения по священной истории, истории православной церкви, истории и географии России и естественной истории. Для периодических чтений необходимо было подготовить 1500—2000 изображений, пригодных по качеству для демонстрации через стационарный фонарь с ярким источником света. Комитет Политехнической выставки публично объявил сбор исходных изображений для подготовки диaposитивов. Организаторы считали, что «стоимость картин может простираться от 6500 до 8000 руб. серебром». На устройство аудитории было заложено 2000—3000 рублей. Изготовление картин обошлось бы устроителям в три—четыре раза дороже, чем постройки зала для их демонстрации. Предполагалось, что «часть расходов будет покрыта, если желающие присутствовать на наглядных курсах, кроме учащихся, заплатят за вход по 30 коп. серебром»²³. Высокая цена билета почти исключала возможность посещения мероприятия простыми людьми и небогатыми учителями народных школ. За два месяца до открытия выставки, в марте 1872 года, замысел был далек от реализации:

---

20 Протоколы заседаний комитета по устройству Политехнической выставки Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии при ИМУ. Вып. 1. С. 70.

21 Там же.

22 Там же. С. 71.

23 Там же. С. 88—89.

К сожалению, в настоящее время можно считать обеспеченным только курс священной истории Ветхого и Нового Завета. Картины для этого курса приобретены в Лондоне; тексты составлены московскими священниками. <...> Собрать к выставке картины по программе для отечественной истории и географии не представляется никакой возможности... это потребует много денежных затрат и очень много времени. <...> На выставке нельзя по истории и географии представить ничего цельного, а только отрывки²⁴.

Противоречия в планировании курсов наглядного обучения и затруднения в сборе исходных изображений и подготовке картин привели к отказу от этого замысла в его первоначальном варианте.

Политические контексты: полицейский контроль

Пока Н.И. Чепелевский и члены Комитета по устройству Политехнической выставки в Москве пытались получить от правительства деньги на создание системы регулярных чтений для народа, солдат и учителей народных школ, полицейские и военные власти Петербурга двигались в том же направлении, но по другому пути. В январе 1863 года для улучшения качества военного образования было создано Главное управление военно-учебных заведений (ГУ ВУЗ). Начальником был назначен образованный и либеральный генерал-адъютант Николай Васильевич Исаков, участник боевых действий на Кавказе и обороны Севастополя в Крымской войне и бывший попечитель Московского учебного округа. В частности, Н.В. Исаков, знакомый с устройством наглядного обучения и учительских семинарий в Европе, инициировал создание «библиотеки и центрального депо учебных заведений», которые в дальнейшем стали Педагогическим музеем ГУ ВУЗ. Секретарь и хранитель музея Н.П. Животовский вспоминал, что в распоряжении музея с 1866 года был фонарь и «два ящика диапозитивов английского производства»²⁵.

Летом 1870 года в Соляном городке в Петербурге прошла XIV Всероссийская мануфактурная выставка. Музей ГУ ВУЗ, коллекция Русского технического общества и два других бездомных ведомственных музея — Сельскохозяйственный музей Министерства государственных имуществ и Промышленно-художественный музей — обосновались через год в перестроенном для выставки здании Соляного городка на набережной Фонтанки. Обновленное здание «при всей внешней невзрачности очень хорошо подходило, находясь на бойком месте и имея... большие аудитории для устройства публичных мероприятий»²⁶. Одна из двух аудиторий «была специально назначена» при перестройке для проведения чтений. С февраля 1865 года делами Педагогического музея энергично занимался молодой офицер, герой Крымской войны Всеволод Порфирьевич Коховский. После участия музея в мануфактурной выставке он поставил

---

24 Протоколы заседаний комитета по устройству Политехнической выставки Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии при ИМУ. Вып. 4. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1872. С. 113.

25 Животовский Н.П. Волшебный фонарь, его описание и употребление. СПб: Н.Фену и К., 1874. С. 2.

26 Макшеев З.А. Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений. Краткая историческая записка. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1914. С. 8.

своей целью «возможность воспроизвести в России все те учебные пособия, которые до сих пор он собирал, выписывая из-за границы»²⁷. Вместе с единомышленниками Ф.А. Тарапыгиным и И.И. Филипенко он начал «ряд опытов в музее», чтобы самостоятельно собрать стационарный фонарь с друммондовым светом, который подошел бы для аудитории в 300 человек, и «снаряд для добывания кислорода в больших размерах»²⁸. По плану Н.И. Чепелевского, созданный ими фонарь должен был быть представлен в фотографическом павильоне Политехнической выставки²⁹. Опыты не всегда проходили успешно. «Осенью 1871 года Тарапыгин получил ожог головы и нервное сотрясение, а его слуга погиб от взрыва, произошедшего на квартире при добывании газа для проекционного прибора. Он занимался этим, отказавшись от вознаграждения»³⁰.

По инициативе В.П. Каховского фотографический павильон при музее был сдан в аренду фотографу Николаю Александровичу Ермолину, который по условиям договора обязался изготавливать картины для проекций, уделяя свободное время частным заказам. «Он успел улучшить производство картин, увеличил коллекцию фотодиапозитивов до нескольких тысяч экземпляров»³¹. К концу 1871 года В.П. Коховскому удалось создать материальную основу для открытия регулярных народных чтений при музее.

С 1870 года группы молодых радикально настроенных людей, известных в дальнейшем как народники, развернули пропаганду революционных идей среди фабричных рабочих Петербурга. Как считают исследователи Т. Сабурова и Б. Эклоф, беседы политического характера сочетались с «занятиями по математике, истории, географии, физике, химии и другим предметам», пропагандисты сами писали и издавали в Швейцарии брошюры для народного чтения [Сабурова, Эклоф 2016: 75]. В 1873—1874 годах по делу о пропаганде запрещенных идей было привлечено к суду и наказано более 4 тысяч человек. В 1871—1872 годах полиция Петербурга уже вела слежку за активистами. На фоне этих событий поздней осенью 1871 года обер-полицеймейстер города Ф.Ф. Трепов и чиновник особых поручений камергер двора Н.И. Гвоздово-Голенко вспомнили про планы по устройству чтений с проекторами. Они надеялись на новую технологию, чтобы перехватить у смутьянов инициативу в образовании и воспитании простого народа. Политизированные студенты, жившие аскетическими коммунарами, не могли сопровождать свои чтения и беседы дорогими и технически сложными проекциями картин. Техническая новинка надежно обеспечила официальным чтениям внимание и симпатию неискушенных зрителей. Недаром проекционный фонарь в русских (и не только) официальных и прикладных текстах

27 Протоколы заседаний комитета по устройству Политехнической выставки Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии при ИМУ. Вып. 1. С. 89.

28 *Воронецкий А.М.* В.П. Коховский в роли организатора народных чтений в Соляном городке // Русская школа. 1892. № 2. С. 32.

29 Протоколы заседаний комитета по устройству Политехнической выставки Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии при ИМУ. Вып. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1871. С. 48.

30 *Барсков Я.Л.* Педагогический музей военно-учебных заведений 1864—1914. СПб.: Тип. «Сириус», 1914. С. 75.

31 Там же.

этого времени нередко называют «снарядом», «орудием». Метафору подкрепляла взрывоопасность друммондова света, который в те годы использовали для проекций.

В конце ноября 1871 года Федор Федорович через шефа жандармов генерала-адъютанта графа П.А. Шувалова подал записку императору с предложением «устроить доступные для простолюдинов беседы... сопровождаемые показом картин при помощи волшебного фонаря... в виде опыта»³². В записке он подчеркнул, что у Педагогического музея есть все необходимое для открытия чтений: аудитория, необходимые «наглядные пособия» и даже рукопись чтения, уже разработанная для нижних чинов армии В.П. Коховским и преподавателями 1-й Петербургской военной гимназии. Александр II, прочтя записку, решил обсудить идею с Комиссией, в состав которой вошли Н.В. Исаков, Ф.Ф. Трепов, П.А. Шувалов, а также министры народного просвещения, военный и внутренних дел. Между участниками обсуждения шел интенсивный обмен письмами. В итоге Комиссия высказала идеи относительно «начал, на которых могут быть допущены подобные беседы»: чтения должны были проводиться под наблюдением полиции и без отступлений от текстов, подготовленных Педагогическим музеем военно-учебных заведений и просмотренных Д.А. Толстым. Следование тексту должно было контролироваться «особым лицом»: «Во все время производства опыта отнюдь не позволять устройство подобных чтений никаким ученым и благотворительным обществам, ни частным лицам»³³. Запреты объяснимы в контексте борьбы между властью и революционной молодежью за контроль над умами простолюдинов.

19 декабря царь дал согласие на проведение чтений. Они были открыты «на праздниках Рождества Христова» 28 декабря 1871 года. Редактор журнала «Русский паломник» А.И. Поповицкий зачитал текст «О Святой земле», составленный законоучителем 1-й Петербургской военной гимназии священником В.Г. Певцовым. Обер-прокурор Синода запретил В.Г. Певцову, лицу духовного звания, самому прочесть текст в народной аудитории, и в качестве чтеца был приглашен светский человек. Вскоре запрет отменили.

На первое чтение собралось около 200 слушателей, в том числе и лица, приглашенные музеем³⁴.

Время было беспокойное, ожидалось скандальные манифестации, на чтении присутствовали шеф жандармов, министры... главный начальник ВУЗ и градоначальник Трепов. <...> Чтение прошло при глубоком молчаливом внимании слушателей разных сословий и возрастов. По окончании раздалась дружные рукоплескания и потребовали народный гимн, который был повторен 3 раза³⁵.

Проявления энтузиазма публики в невинной форме рукоплесканий настораживали Ф.Ф. Трепова. Он пытался их запретить. В.П. Коховский комментировал этот запрет так:

---

32 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 193. Ед. хр. 521. Л. 1.

33 Там же. Л. 1 об.

34 *Макшеев З.А.* Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений. Краткая историческая записка. С. 60.

35 Первое десятилетие чтений для народа и для солдат (28 декабря 1871 — 1881 г.). СПб.: Тип. К.К. Ретгера, 1882. С. 19.

Сколько известно, подобное распоряжение делается не впервые, но даже в несравненно более дисциплинированных аудиториях осуществлялось с большим трудом и препятствием. Раздававшиеся до сего дня аплодисменты в аудитории Соляного городка ни в чем не выходили за границы приличия и порядка и, сколько я заметил, как знаки непритворного одобрения, — весьма нравились лицам, их вызвавшим³⁶.

Всеволод Порфирьевич объяснял, что если лекторы были бы высокого мнения о себе, то не нуждались бы в одобрении толпы. Но они работали бесплатно и чувствовали себя в новой ситуации не слишком уверенно. Поэтому он считал справедливым хотя бы таким образом награждать их за труд. К концу года запрет рукоплесканий был отменен полицией по настоянию Н.В. Исакова.

Несмотря на настороженность и страхи, полиция упорно приглашала слушателей на чтения зимой 1871—1872 годов, расклеивая объявления. В 1873 году эту практику прекратили, потому что «публика уже достаточно привыкла к чтениям». Вопреки или благодаря усилиям полиции, «слушатели низших классов столичного округа весьма усердно посещали в означенные воскресные и праздничные дни означенные чтения с входной платой по 5 коп. Зала, вмещавшая 450 человек, была всегда полна. <...> Слушатели собирались в числе... раз в пять и более превышающем число мест в аудитории»³⁷. Для удовлетворения массы слушателей» музей назначал в один и тот же день по 3, 4 и даже 5 чтений одно за другим³⁸. За три месяца, до конца марта 1872 года, Соляной городок посетило 17 тысяч человек. «Слушатели соблюдали полнейший порядок, и поведение их было безупречным», — отчитывались организаторы перед созданной царем комиссией³⁹.

3 января 1872 года Всеволод Порфирьевич открыл чтения для солдат, «которые присылались в аудиторию музея командой при офицерах». С солдат музей не мог взимать плату за посещение, поэтому чтения для них «не могли проводиться без чтений для народа, в том числе и по денежным соображениям»⁴⁰. Почти одновременно «для более образованных и более достаточных слушателей» начали платные лекции по специальным предметам, например П.И. Рогова по истории Древнего Египта и князя И.Р. Тарханова по физиологии. На таких лекциях две трети дохода получал лектор, одна треть покрывала расходы на народные чтения. Более образованные зрители оплачивали затраты на освещение зала, топливо для фонаря, изготовление картин, подготовку текста и его чтение, управление фонарем, в том числе и для солдатских чтений. Мысль о компенсации затрат подобным образом высказывалась еще в записке Н.И. Чепелевского. Под давлением материальных обстоятельств новая технология передачи информации была приспособлена для обращения к разным по образовательному уровню и платежеспособности аудиториям.

36 Там же. С. 61.

37 РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Ед. хр. 521. Л. 22 об.

38 *Макшеев З.А.* Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений. Краткая историческая записка. С. 61.

39 РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Ед. хр. 521. Л. 22 об.

40 *Макшеев З.А.* Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений. Краткая историческая записка. С. 61.

Новые возможности: выход к широкой публике

Как только В.П. Коховскому удалось наладить регулярность в проведении чтений разного типа в Соляном городке, он сосредоточился на задаче расширения распространения технологии. Приняв инициативу по организации учебного отдела на мануфактурной выставке 1870 года, Педагогический музей ГУ ВУЗ получил возможность «делать заказы по избранным образцам различным мастерским, даже тюремным, и мастеровым, приисканным в Петербурге и в одном из центров кустарного производства»⁴¹. «Путем конкурсов, заказов и указаний со стороны Музея было вызвано русское производство недорогих приборов»⁴². Одна из первых моделей была описана Н.И. Животовским, хранителем и секретарем Педагогического музея, в брошюре 1874 года: «С введением в общее употребление нового материала керосина стали заменять им масло в небольших фонарях. <...> Был приготовлен фонарь, доступный по цене как для школ при полках, так и для небольших учебных заведений»⁴³. Фонарь давал изображение диаметром 2,5 метра, отчетливо видное с расстояния «20 шагов от экрана». В брошюре Н.И. Животовский описывает не только устройство, но и направление поисков усовершенствования фонаря. Для большей ясности пробовали изменять форму рефлектора, делать больше диаметр керосиновой горелки, пропускать сквозь пламя струю воздуха или кислорода.

В.П. Коховский считал, что распространению чтений с проекциями препятствует дороговизна приборов и картин. Причину высоких цен он видел в «ошибочном расчете назначения цен» розничных торговцев России. Он решил «понижить цены путем возбуждения конкуренции». Для этого при музее он создал институт «комиссионерства». Торговые фирмы, назначенные комиссионерами музея, становились преимущественными поставщиками военно-учебных заведений, которых в России было более пятидесяти. Преимущество не столько поощряло конкуренцию, сколько гарантировало избранным фирмам доход. Косвенная поддержка отдельных производителей позволяла В.П. Коховскому контролировать цены, типы фонарей, качество картин. В 1870—1880-е годы фирма «Торговля книгами и учебными пособиями Н. Фену и Ко», имевшая статус комиссионера ГУ ВУЗ, успешно продавала «комнатные» фонари и картины для школ. Ее создала группа преподавателей петербургских гимназий. Склад и магазин фирмы первые годы располагался в здании музея в Соляном городке.

Для «возбуждения конкуренции» Педагогический музей ГУ ВУЗ опубликовал в журналах подробные описания новаторских частей технологии. Обычно такие сведения составляли коммерческую тайну. Были опубликованы чертеж и описание типовой аудитории для чтений, способ раскраски картин, чертеж и описание «станка для изготовления транспарантов»⁴⁴.

---

41 Двадцатипятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений. 1864—1889. СПб.: [Б.и.], 1889. С. 7.

42 Барсков Я.Л. Педагогический музей военно-учебных заведений 1864—1914. С. 68.

43 Животовский Н.П. Волшебный фонарь, его описание и употребление. С. 13.

44 Коховский В.П. О народной аудитории // Хозяйственный строитель. 1879. № 21. С. 338—384; Добровольский Н.Ф. Простейший аппарат для снимания транспарантов // Фотографический отдел общества распространения технических знаний. М.: Тип. Н.А. Калашникова, 1872; Воронцовский А.М. Заметка о прозрачности красок для

Успех народных чтений в Соляном городке укрепил решимость государственных чиновников сделать чтения в столице регулярными. В конце марта 1872 года власти создали при Министерстве народного просвещения Постоянную комиссию по устройству народных чтений в Петербурге. Сотрудники Постоянной комиссии принялись за поиск и обустройство залов, приспособление их для чтений. Для этого необходимо было осуществить «устройство темных рам на окна, возвышений или сцен для кафедр, экранов, фонарей с приспособлениями, скамеек для слушателей». «Значительные затраты» взял на себя первый председатель Постоянной комиссии Ф.Ф. Трепов; он же, как и В.П. Коховский, получил разрешение «использовать труд заключенных Исправительной тюрьмы»⁴⁵. Первыми были обустроены залы в Горном институте на Васильевском острове и в доме Спиридонова на Владимирской улице. Покупка двух фонарей для них обошлась в 524 рублей. Небольшие «комнатные» фонари, которые можно было приобрести у комиссионеров военно-учебных заведений, стоили от 5 до 25 рублей, то есть более чем в 20 раз дешевле. Высокая цена «проекционных снарядов», приобретенных Постоянной комиссией, показывает, насколько для представителей власти было важно продемонстрировать народным аудиториям самую полную техническую вооруженность.

В первом полугодовом отчете Постоянной комиссии перечислены сложности, с которыми она столкнулась. Не было «заготовленных» текстов, «приспособленных к часовому чтению и понятиям простого народа», не могли найти «лиц, опытных в делах популярного изложения», «лиц, распоряжающихся фонарями и освещением картин». Но самой острой проблемой была нехватка картин для проекции. Заграничные картины, «доведенные до значительной степени совершенства», не подходили по той причине, что Комиссия приняла решение сосредоточиться «на сюжетах, взятых из отечественной истории, географии, на святых местах Русской земли, на даровитых представителях русского простонародья»⁴⁶. Раздобыть исходные изображения было относительно несложно: «оригиналы картин брали в лучших отечественных и иностранных художественных изданиях» и заказывали художникам⁴⁷. За помощью в деле пересъемки оригиналов и раскраски диапозитивов Комиссия обратилась через газету к петербургским фотографам, но результатом была не слишком удовлетворена:

При отсутствии в прошедшем времени вызова и потребностей на такого рода искусство, в настоящее время пришлось подчиниться всем случайностям неудач, зависящих от более или менее счастливого исполнения картин фотографическим способом, и на первое время ограничиться фотоснимками на стекле с готовых картин, эстампов и фотографий без краски. <...> На данный момент картины обходятся дороже иностранных⁴⁸.

На второй год работы Ф.Ф. Трепов и его сотрудники переложили решение материальных проблем организации чтений на торговую фирму «Мастерская

туманных картин снаряда Капендера. Сообщение в Комиссию, учрежденную при ГУ ВУЗ для составления чтений для нижних чинов // Педагогический сборник ГУ ВУЗ. 1872. № 6. С. 62—68.

45 РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Ед. хр. 521. Л. 52.

46 Там же. Л. 53.

47 Там же. Л. 116.

48 Там же. Л. 53.

учебных пособий и игр». Она была зарегистрирована в 1873 году. Отделом проекционных фонарей и диапозитивов заведовал с первых дней выпускник Технологического института фотограф Александр Константинович Ержемский. Он налаживал изготовление фотодиапозитивов для нужд Постоянной комиссии. По примеру комиссионеров Соляного городка фирма получила статус официального поставщика Постоянной комиссии Министерства народного просвещения (МНП). А.К. Ержемский после 1880 года был избран членом ее хозяйственного комитета. С конца 1870-х годов фирма принимала и исполняла заказы на полное оборудование залов для публичных чтений. Вклад А.К. Ержемского в дело распространения публичных чтений был отмечен вручением ему в 1887 году «за отличное усердие и особые труды» ордена Святого Станислава III степени.

Постоянная комиссия по устройству народных чтений в Петербурге и издание брошюр

На этом этапе освоения технологии Постоянная комиссия МНП не ставила своей целью, в отличие от группы, сплотившейся вокруг В.П. Коховского, повсеместно распространять чтения. Основная активность Постоянной комиссии развивалась в области утверждения и публикации текстов чтений. Они располагали скромными средствами на издание и публиковали свои тексты в издательствах, специализирующихся на выпуске народной литературы. К 1909 году за 35 лет работы ПК «брошюры разошлись в количестве свыше 5 миллионов экземпляров»⁴⁹. Такая плодовитость Постоянной комиссии была связана с исключительным положением подготовленных ей изданий. Долгие годы для прочтения в народных аудиториях из страха «распространения противогосударственных идей» были допущены только брошюры, прошедшие обсуждение в Постоянной комиссии или в Педагогическом музее ГУ ВУЗ. Последний ненамного отставал от Постоянной комиссии по интенсивности издательской деятельности. За первые 10 лет чтений они напечатали 1 миллион 100 тысяч брошюр для народных чтений и 150 тысяч брошюр для солдатских⁵⁰. С учетом численности людей, умевших в те годы читать, почти каждый из них имел возможность получить в руки по такой книжке.

В 1870—1880-е годы обсуждение текстов для народных аудиторий шло бурно, так как никто не понимал, как именно их нужно составлять «для слушателей без образования». Сподвижник В.П. Коховского А.М. Воронецкий вспоминал в 1892 году:

Форма изложения и материал должны были соответствовать степени умственного развития слушателей и его обыденной речи. <...> Чтения обрабатывали общими силами при участии автора. Корректуру проводили со стороны верности в научном отношении и по выбору материала, метода изложения и языка⁵¹.

49 РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Ед. хр. 89. Л. 4.

50 Первое десятилетие чтений для народа и для солдат (28 декабря 1871—1881). СПб.: Тип. К.К. Ретгера, 1882. С. 3.

51 *Воронецкий А.М.* В.П. Коховский в роли организатора народных чтений в Соляном городке. С. 34.

А.И. Кельсиев, хранитель учебного отдела Политехнического музея, в 1881 году так комментировал в письмах к своему коллеге из Ростова А.А. Титову процесс составления текстов чтений:

Будьте готовы к самой строгой корректуре, ибо чтения для народа всегда проходят через длинный ученый, цензурный и литературный контроль. Даже опытные народные писатели подвергаются коренным переделкам. Старайтесь блеснуть не знаниями, а понятностью, занимательностью и поучительностью изложения [Смирнов 2017: 188].

Обсуждения текстов в Комиссии народных чтений Педагогического музея были публичными и открытыми. Каждый автор, текст которого был принят, мог войти в Комиссию для обсуждения чтений и высказывать свое мнение в отношении вновь представленных текстов. «Много такта, умения, знания человеческого сердца требовалось от Василия Порфирьевича, чтобы уберечь авторское самолюбие, требовалось и самообладание и хладнокровие, чтобы выслушивать несправедливые укоры», — вспоминал другой его сподвижник, редактор «Листка Педагогического музея» П.И. Рогов о работе этой Комиссии⁵². После «прохождения через искус публичной корректуры» автор должен был сам произнести новое чтение в аудитории музея «под страх более капризного и строгого суда случайных слушателей»⁵³. За первые десять лет работы из 665 предложенных текстов было одобрено 185. До 1883 года в Педагогическом музее авторам платили «за принятое чтение» 50 рублей, после 1883 года — 75. Автор чтения сохранял право собственности на издание. А.И. Кельсиев пишет другу: «Издание народных чтений само по себе дает порядочный доход, потому что, одобренные, они расходятся в огромном количестве, и их купит каждый издатель» [Там же: 226]. В Постоянной комиссии МНП в 1873 году расценки были 10 рублей за составление текста, 3 рубля за произнесение в аудитории⁵⁴. Тексты Постоянной комиссии МНП публичному обсуждению не подвергались.

Народные чтения в Москве: от частных к государственным инициативам

В начале 1880-х годов, когда Ф.Ф. Трепова заменил на посту председателя И.П. Хрущев, между Комиссией народных чтений Педагогического музея и Постоянной комиссией МНП начался конфликт. Педагогический музей был недоволен тем, что Постоянная комиссия МНП использовала их чтения, не указывая имена авторов⁵⁵. Конфликт показывает, что в области освоения технологии начался раскол между частной инициативой, которая была движущей силой группы В.П. Коховского, и государственной волей, которую воплощало в жизнь подразделение МНП. На первом этапе заимствования европейской технологии государственная воля и частная инициатива в деле устройства чтений действовали сообща.

52 Рогов П.И. Памяти В.П. Коховского // Русская школа. 1891. № 12. С. 57.

53 Воронежский А.М. В.П. Коховский в роли организатора народных чтений в Соляном городке. С. 34.

54 РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Ед. хр. 521. Л. 54.

55 Барсков Я.Л. Педагогический музей военно-учебных заведений 1864—1914. С. 80.

Хотя в начале 1870-х годов достаточно много амбициозных и энергичных людей в Москве поддерживали идею распространения народных чтений с проекциями, до внесения регулярности и систематичности в это дело москвичам было еще далеко. 30 мая 1872 года открыли Политехническую выставку в Кремлевских садах. К этому времени инициатива устройства показательных народных чтений с проекциями была подхвачена Комиссией по улучшению быта рабочих, созданной московскими филантропами с целью представить на выставке «все, что должно влиять на благосостояние рабочего люда»⁵⁶. За несколько месяцев Комиссия собрала деньги на устройство Народного театра и Народной кухни на Варварской площади во временных деревянных павильонах. Председателем Комиссии по улучшению быта рабочих был выбран профессор технологии и член ИОЛЕАЭ М.Я. Киттары. С 1870 года по желанию военного министра А.Д. Милютина на него уже было возложено управление обустройством Военного отдела Политехнической выставки. М.Я. Киттары смог опереться на связи в Военном министерстве для поддержки московских гражданских филантропических инициатив.

Для проектирования Народного театра и кухни был приглашен тот же архитектор, который работал над павильоном Военного отдела. Академик архитектуры В.А. Гартман был специалистом в создании публичных пространств. В 1869—1870 годах он участвовал в реконструкции пакгаузов Соляного городка для XIV Всесоюзной мануфактурной выставки. В частности, он был автором проекта зала для народных чтений, где В.П. Коховский с успехом проводил мероприятия с проекциями. М.Я. Киттары использовал свои связи и для решения проблемы нехватки картин для проекции на Политехнической выставке. Он решительно поддержал идею того, чтобы Педагогический музей ГУ ВУЗ прислал все недостающее для устройства чтений. Идея пригласить петербуржцев была впервые озвучена в январе 1870 года на заседании Комитета по устройству выставки. Ф.И. Королев, председатель Комиссии по устройству курсов наглядного обучения, тогда просил В.П. Коховского «предоставить дублиеты теневых картин для электрического фонаря из коллекции Педагогического музея ГУ ВУЗ»⁵⁷. Однако обсуждение не привело зимой к практическим результатам. Благодаря позднему вмешательству М.Я. Киттары В.П. Коховский «рядом своих чтений открыл в Москве первую народную аудиторию»⁵⁸.

Демонстрация проекций на Политехнической выставке позволила убедиться «в большом интересе к делу со стороны народа»⁵⁹. Успех чтений впечатлил деятельного члена ИОЛЕАЭ, директора московского Почтамта, и устроителя Почтового отдела Политехнической выставки Сергея Семеновича Подгорецкого. Осенью 1872 года он открыл среди москвичей подписку для создания «Петровского общества народных читален», однако разрешение властей на создание общества не было получено. Более успешным было ходатайство не-

---

56 Народные кухни в Москве. Общество для поощрения трудолюбия в Москве. М.: Тип. А. Горлецкого и М. Терехова, 1876. С. 2.

57 Протоколы заседаний Комитета по устройству Политехнической выставки Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. Вып. 2. С. 72.

58 *Макшеев З.А.* Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений. Краткая историческая записка. С. 7.

59 Отчет Комиссии по устройству в Москве публичных народных чтений за 1876 г. с кратким изложением ее истории. М.: [Б.и.], 1877. С. 3.

скольких московских благотворителей, входивших при организации Политехнической выставки в Комиссию М.Я. Киттары. Прошение об открытии чтений подала княгиня Александра Николаевна Стрекалова, председательница Общества распространения полезных книг, существовавшего с 1861 года. Ее сподвижник барон Николай Васильевич Корф «помог... [ей] исходатайствовать у Правительства разрешение на устройство публичных народных чтений по примеру петербургских, проводимых государственной комиссией»⁶⁰. Административно начинание поддержали генерал-губернатор князь В.А. Долгорукий и князь Н.П. Мещерский, попечитель Московского учебного округа. Помогать чтениям деньгами и управлять их устройством взялись купец первой гильдии Александр Александрович Торлецкий и его семья. А.А. Торлецкий, фотограф-любитель, был членом V (фотографического) отдела московского отделения ИРТО, финансировал создание и управлял постройкой Фотографического павильона Политехнической выставки. Его жена и дочь в содружестве с А.Н. Стрекаловой «развивали в Москве дело создания народных кухонь», которые предлагали дешевые комплексные обеды для рабочего люда. Первые чтения решено было проводить в этих столовых. Если в Петербурге организаторы чтений вдохновлялись примером чтений для солдат Совета по военному образованию Британской армии, то в Москве образцом для подражания была работа благотворительных организаций типа «Band of Hope Union». Филантропия в те годы была одной из немногих сфер дозволенного проявления социальной активности для женщин привилегированных сословий. Благотворительная направленность объясняет большую по сравнению с Петербургом вовлеченность женщин в дело устройство чтений в начале 1870-х годов.

3 ноября 1874 года после получения официального разрешения при Обществе распространения полезных книг была создана Комиссия по устройству народных чтений, ее первым председателем стал Н.В. Корф. 21 ноября 1874 года Комиссия провела первое чтение. Оно было приурочено к празднику Введения во Храм Богородицы. В народную столовую Е.Г. Торлецкой на Варварке прибыли генерал-губернатор и дьякон его домового храма С.Я. Уваров. После проповеди о празднике М.М. Дмитриев, член Комиссии Н.В. Корфа и редактор «Народного листка», прочел брошюру сотрудника Педагогического музея ВУЗ П.И. Рогова о святых Кирилле и Мефодии. По впечатлениям присутствовавших, чтения «имели характер вялый, а иной раз казались совсем непонятными для малоразвитых слушателей вследствие отсутствия картин»⁶¹. С посетителей все равно собрали входную плату в 2 копейки. Только в октябре 1875 года А.А. Торлецкий, официальный казначей московской Комиссии, оборудовал на свои деньги столовую жены всем необходимым «для постановки “теневых картин”», а их сын взял на себя «управление» технической новинкой — «волшебным фонарем». Отчет московской Комиссии констатирует: «при начале своей деятельности Комиссия сталкивалась с недостатком средств и с недоверием общественного мнения», а «публичные народные чтения не могли поначалу привлечь сочувствие не только массы, но и даже известной части интеллигенции»⁶².

Зимой 1876 года Н.В. Корф сложил с себя полномочия председателя Комиссии по причине отъезда из Москвы. Его заместитель М.М. Дмитриев решил

60 Там же.

61 Там же.

62 Там же. С. 4.

пригласить стать председателем московской Комиссии С.С. Подгорецкого. Директор Почтамта наконец получил долгожданную возможность заняться устройством публичных чтений для москвичей. А.И. Чепелевский в это время жил и работал в Москве, но в работе московской Комиссии себя не проявил. Он получил должность чиновника по особым поручениям ГУ ВУЗ и был поглощен созданием Исторического музея на основании экспонатов Севастопольского отдела Политехнической выставки, организацией которого занимался с 1870 года.

С.С. Подгорецкий проявил больше преданности делу устройства чтений, чем Н.И. Чепелевский. С момента вступления Подгорецкого в должность и до его смерти Комиссия всегда собиралась у него на квартире, в здании Почтамта. Заседания проходили торжественно. Живой пример обстановки заседаний дает письмо 1880 года А.И. Кельсиева к другу из провинции:

Захватите с собою фрак, я Вас поведу 20 числа на вечер к Подгорецкому в годичное собрание Комиссии нар[одных] чтений. Будет все московское начальство и духовенство, доложат рассказ о храме Спасителя с туманными картинами — весьма интересно (цит. по: [Там же: 175]).

«Авторитет и честное имя Сергея Семеновича дало материальный рычаг для поднятия дела»⁶³. Он смог объединить для организации чтений московскую университетскую интеллигенцию, чиновников городской администрации, представителей церкви и благотворителей из купеческого сословия:

Одни являлись руководителями, другие — исполнителями чтений. Все лица... не сами вызвались на дело, а были отысканы и привлечены к делу С.С. Подгорецким. Только немногие из этих лиц состояли в служебных отношениях к покойному, большинство же находилось вне служебных отношений — и были люди разных слоев общественной жизни и деятельности и не имели между собой ничего общего, кроме общего дела... его достижение — собрать столь разнородные элементы⁶⁴.

Свой «авторитет и честное имя» Сергей Семенович использовал и для пополнения казны Комиссии. В.Н. Сторожев, активный член Комиссии в 1890-е годы, вспоминал:

Прежде всего, он постарался создать бюджет Комиссии путем привлечения частных взносов и субсидий от разных учреждений. В его годы средним взносом поступало 1400 руб. в год, сейчас — 745 руб. Субсидии дали возможность устроить бесплатный вход. <...> В разные годы деньгами помогали: городская дума, губернская земская управа, купеческая, мещанская и ремесленная управа, и до прошлого отчетного года комитет Политехнического музея⁶⁵.

Общественная поддержка и пополнение казны позволили заняться поиском новых помещений, «так как народная столовая была слишком маленькой»⁶⁶. Вскоре, потратив 232 рубля, Комиссия обустроила зал над водопроводом в Су-

---

63 Экстренное собрание членов Комиссии по устройству публичных народных чтений в Москве, 11 января 1888 г. М.: [Б.и.], 1888. С. 17.

64 *Сторожев В.Н.* Двадцатипятилетние Комиссии по устройству в городе Москве публичных народных чтений. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1902. С. 12.

65 Там же. С. 15.

66 Отчет Комиссии по устройству в Москве публичных народных чтений за 1876 г. с кратким изложением ее истории. С. 4.

харевой башне, где при Петре I проходили занятия навигационной и математической школы. Первое мероприятие Комиссии в Сухаревой башне состоялось на Вербное воскресенье 1876 года. Оно началось молебном и проповедью, затем С.С. Подгорецкий рассказал о цели проведения народных чтений, С.М. Соловьев произнес специально подготовленное им первое чтение по русской истории для народа, М.М. Дмитриев познакомил публику с историей Сухаревой башни. «Теневые картины» «ставил» Ф. Денисов, механик коммерческой оптической мастерской Ф.Б. Швабе. Их взяли на время в Музее прикладных знаний, который был основан после закрытия Политехнической выставки и активно строился в эти годы. Чтения в Сухаревой башне успешно шли по воскресеньям на протяжении пяти недель при большом стечении народа, но их пришлось закрыть из-за сырости в помещении. Даже самых предусмотрительных сторонников внедрения новой технологии не первых порах подстерегали неожиданные технические сложности. Пар от водопровода первого этажа Сухаревой башни стал помехой «для прозрачности света волшебного фонаря». Организаторы не сдавались, и осенью были открыты новые аудитории в Солодовниковском шестиклассном городском училище на Большой Серпуховской улице и в Межевом институте на Басманной.

Расширение деятельности Комиссии вызвало неудовольствие попечителя Московского учебного округа Н.П. Мещерского. Он отказывался общаться с С.С. Подгорецким в качестве председателя Комиссии, что создавало немалые трудности, так как программы чтений, личности чтецов и распорядителей по действующим правилам утверждались попечительством. В марте 1877 года Н.П. Мещерский написал в МНП письмо с жалобой на С.С. Подгорецкого и с требованием сократить количество аудиторий, «так как некому надзирать»⁶⁷. За московскую Комиссию заступился В.А. Долгоруков, который в очередной раз своей властью поддержал начинание. Московская Комиссия, в отличие от Постоянной комиссии МПН в Петербурге, была общественной организацией и занималась преимущественно координацией и устройством чтений в разных частях города. К 1886 году, когда умер С.С. Подгорецкий, московская Комиссия открыла и наладила работу семидесяти залов в Москве и окрестностях. Они подыскивали чтецов, подбирали «теневые картины», назначали управляющих в аудитории. Читали по брошюрам, утвержденным Постоянной комиссией МНП и Педагогическим музеем ГУ ВУЗ. С весны 1876 года действовала подкомиссия для разработки программ чтений в отдельных залах. На первых порах А.А. Торлецкий «принял на себя заботу» доставать необходимые «теневые картины, в которых постоянно ощущался недостаток».

В 1884 году выпускник Межевого института, топограф и геодезист, отличный рисовальщик Александр Иванович Кельсиев открыл у себя дома на Никитском бульваре Московскую художественную мастерскую, которая занималась изготовлением картин для чтений, «торговлей и отпуском напрокат». А.И. Кельсиев был глубоко включен в общественную и научную жизнь Москвы. Кроме членства в ИОЛЕАЭ, работы хранителем в Политехническом музее, секретарем в Обществе распространения технических знаний, он участвовал в делах московской Комиссии народных чтений. Для Александра Ивановича, в отличие от А.К. Ержемского и Н.О. Фену, сочетание членства в Комиссии по организации чтений с коммерческой деятельностью в той же области было этической проблемой:

---

67 РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Ед. хр. 521. Л. 204.

Я углубился теперь в организацию народных чтений. Меня выбрали секретарем редакции в Комиссии нар[одных] чтений. Я отказывался, потому что нравственно неловко работать одновременно и для себя, и для комиссии (цит. по: [Там же: 221]).

Смущение А.И. Кельсиева указывает на радикальное разделение в восприятии людей частной инициативы и общественных интересов в деле организации чтений, которое проявилось и в конфликте между группами организаторов чтений в Петербурге.

Заключение

Внедрение технологии статической проекции в России началось в столичных городах усилиями лояльных к власти общественных групп, у которых была поддержка чиновников из военных и полицейских кругов. Чиновники опирались на административные ресурсы и связи в государственном аппарате. Эксплуатация технологии (залов, фонарей, картин) только частично покрывала расходы групп по ее внедрению. Деятельность групп зависела от добровольных денежных пожертвований и от предоставления услуг и труда на безвозмездном основании. Государство выделяло деньги время от времени, покупая услуги групп для устройства юбилеев, проведения чтений на особо важные темы.

Инициативные группы сплотились вокруг талантливых организаторов. Эти группы возникли на основе более привычных общественных структур, специализировавшихся на популяризации и демократизации культуры и образования: благотворительного общества по распространению книг и прикладных музеев. В состав групп входили педагоги и владельцы фирм розничной торговли и мастерских по изготовлению фонарей и картин. Мастерские и фирмы, сотрудничавшие с группами, получали доступ к гарантированным заказам, укреплявшим их прибыль и формировавшим систему дистрибуции их товаров и услуг. После того как организованные подобным образом переплетенные государственные и частные интересы позволили технологии утвердиться в столицах и способствовали преодолению технологией порога входа в публичное пространство, начался процесс ее распространения, по выражению Ж. Бодрийера, «от модели к серии» [Бодрийер 2001: 66].

Библиография / References

- [Бодрийер 2001] — *Бодрийер Ж.* Система вещей / Пер. с фр., сопровод. ст. С. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. (Kreolizovannyi tekst: smyslovoe vospriyatie // Ed. by E.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveev. Moscow, 2020.)
- (Baudrillard J. Le système des objets. Moscow, 2001. — In Russ.)
- [Креолизованный текст 2020] — Креолизованный текст: смысловое восприятие // Ред. Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. (Nemirovskij E.L. Bol'shaya kniga o knige. Moscow, 2010.)
- [Немировский 2010] — *Немировский Е.Л.* Большая книга о книге. М.: Время, 2010. (Nemirovskij E.L. Bol'shaya kniga o knige. Moscow, 2010.)
- [Новик 2017] — *Новик А.А.* Utile dulci miscere: «поучительное и занимательное» в пуб-

- личных оптических зрелищах в Санкт-Петербурге и Москве первой половины XIX века // Художественная культура. 2017. № 2 (<http://artculturestudies.sias.ru/2017-2-20/istoriya-i-sovremennost/5237.html> (дата обращения: 20.04.2022)).
- (Novik A.A. Utile dulci miscere: "pouchitel'noe i zanimatel'noe" v publichnykh opticheskikh zrelischakh v Sankt-Peterburge i Moskve pervoy poloviny XIX veka // Khudozhestvennaya kul'tura. 2017. № 2 (<http://artculturestudies.sias.ru/2017-2-20/istoriya-i-sovremennost/5237.html> (accessed: 20.04.2022)).)
- [Сабурова, Эклоф 2016] — Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (Saburova T., Jeklof B. Druzhiba, sem'ya, revolyutsiya: Nikolay Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov. Moscow, 2016.)
- [Смирнов 2017] — Смирнов Я.Е. «Вы не изменяете себе и носите в груди воспламененное сердце...» Письма А.И. Кельсиева А.А. Титову (публикация, исследования, комментарии) // Сообщения Ростовского музея. 2017. Вып. XXII. С. 132—230.
- (Smirnov Ja.E. "Vy ne izmenyaete sebe i nosite v grudi vosplamenennoe serdtsse..." Pis'ma A.I. Kelsiev A.A. Titovu (publikatsiya, issledovaniya, kommentarii) // Soobshcheniya Rostovskogo muzeya. 2017. Vol. XXII. P. 132—230.)
- [Смолярова 2011] — Смолярова Т. Зримая лирика. Державин. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- (Smoljarova T. Zrimaya lirika. Derzhavin. Moscow, 2011.)
- [Трындин 2019] — Трындин Е.Н. Опτικο-механические фирмы России XIX — начала XX вв. М.: Политехнический музей, 2019.
- (Tryndin E.N. Optiko-mekhanicheskie firmy Rossii XIX — nachala XX vv. Moscow, 2019.)
- [Ченакал 1947] — Ченакал В.Л. Оптика в дореволюционной России. Краткий исторический обзор // Труды Института истории естествознания. 1947. Т. 1. С. 121—167.
- (Chenakal V.L. Optika v dorevoljucionnoy Rossii. Kratkiy istoricheskiy obzor // Trudy Instituta istorii estestvoznaniya. 1947. Vol. 1. P. 121—167.)
- [Dunn 1994] — Dunn B. Magic Lantern Shows and the British Army: Lecture Material in the Halifax Garrison in the 1860s // Canadian Heritage. Research Bulletin. 1994. № 304. P. 1—11.
- [Eifler 2017] — Eifler K. The Great Gun of the Lantern. Lichtbildereinstaz sozialer Organisationsen in Grossbritannien (1875—1914). Marburg: Schüren, 2017.
- [Encyclopedia 2001] — Encyclopedia of the Magic Lantern / Ed. by D. Robinson, S. Herbert, R. Crangle. London: The Magic Lantern Society, 2001.
- [Hetch 2001] — Hetch A. Carpenter & Westley // Encyclopedia of the Magic Lantern / Ed. by D. Robinson, S. Herbert, R. Crangle. London: The Magic Lantern Society, 2001.
- [Mannoni 2000] — Mannoni L. The Great Art of Light and Shadow. Archeology of the Cinema / Transl. by R. Crangle. Devon: University of Exeter Press, 2000.
- [Ryan 2004] — Ryan J.R. On Visual Instruction // The Nineteenth-century Visual Culture Reader / Ed. by V.R. Schwartz, J.M. Przyblyski. New York; London: Routledge, 2004. P. 145—150.
- [Smith, Herbert 2001] — Smith L., Herbert S. Slide Formats // Encyclopedia of the Magic Lantern / Ed. by D. Robinson, S. Herbert, R. Crangle. London: The Magic Lantern Society, 2001.
- [Wetton 2001] — Wetton J. John Benjamin Dancer // Encyclopedia of the Magic Lantern / Ed. by D. Robinson, S. Herbert, R. Crangle. London: The Magic Lantern Society, 2001. P. 84.